

УДК 94(438)”1939/42”

ББК 63.3(4Пол)

Ш83

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Печатается с разрешения издательства St. Martin’s Press
и литературного агентства Nova Littera SIA

Архивные фотографии предоставлены
Bellak Archive, Courtesy of Bellak family, used with permissions

Перевод прозы — Елена Доперчук
Перевод стихотворений — Анастасия Строкина

Художественное оформление — Денис Барковский

Шпигель, Рения.

Ш83 В тени Холокоста. Дневник Рении / Пер. с англ. яз.
Е. Доперчук, А. Строкина. — М. : Издательство АСТ, 2020. —
320 с. : илл. + [8 вкл.]. — (Свидетели Холокоста).

ISBN: 978-5-17-119744-5

Рения — еврейка польского происхождения. Страницы дневника
охватывают несколько лет ее жизни, начиная с 1939 года.

В июле 1942 года, набравшись смелости, Рения сумела бежать из
гетто, но не сумела спрятаться. Нацисты нашли девочку на чердаке за-
брошенного дома и расстреляли ее.

Ее друг Зигмунт написал за нее последние строки дневника. По-
сле окончания Второй мировой, Зигмунт разыскал в Нью-Йорке мать и
младшую сестру Рении, которым удалось выжить, и передал им дневник.
Они осмелились открыть его лишь спустя 60 лет...

В декабре прошлого года вышел английский перевод докумен-
тального фильма польского режиссера Томаша Магерски «Разбитые
мечты», рассказывающий о жизни юной Рении в столь драматическое в
истории человека время, время Холокоста.

УДК 94(438)”1939/42”

ББК 63.3(4Пол)

ISBN: 978-5-17-119744-5

Copyright © 2020 by Elizabeth Bellak
© Оформление, ООО «Издательство АСТ»,
2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

За прошедшие сорок лет свои воспоминания опубликовали многие из переживших Холокост. Кто-то не начинал писать раньше, дожидаясь пока придет возраст, в котором люди склонны размышлять над своим прошлым. Кто-то посчитал, что мир теперь больше готов выслушать рассказ о геноциде. Других убедили это сделать дети или внуки. Начиная с 1980-х годов было опубликовано очень много воспоминаний, но при этом забывается, что желание «вспомнить и записать» возникло намного раньше.

В самом деле, люди, пережившие Холокост, начали писать мемуары и выступать со свидетельствами сразу после окончания войны. К началу 1960-х, пятнадцать лет спустя после Холокоста, были напечатаны тысячи воспоминаний тех, кто выжил. В 1961 году, когда Эли Визель¹ искал американского издателя для рассказа «Ночь», уже переведенного на французский, многие отказывались, считая, что и так уже вышло слишком много воспоминаний. В предисловии к французскому изданию «Ночи» Нобелевский лауреат Франсуа Мориак признавал, что рассказ Визеля был одним из огромного числа воспоминаний о Холокосте: «Это личные записи, которые выходят вслед за множеством других»². Увы, с уходом поколения выживших эта тенденция — писать — иссякает.

---

¹ Визель, Эли (1928–2016) — еврейский писатель, журналист, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии мира 1986 г. «За приверженность тематике, посвященной страданиям еврейского народа, жертвам нацизма». — *(Примеч. ред.)*

² Франсуа Мориак. Предисловие. Эли Визель, «Ночь». Цит. по: Ruth Franklin. *A Thousand Darknesses* (New York: Oxford University Press, 2011), p. 70.

Иногда трудно представить, что когда-то историки игнорировали эти воспоминания, которые сегодня так берегут и высоко ценят, предпочитая личным впечатлениям документы, хотя большинство из них изготавливались Третьим рейхом. Эти историки полагали, что личные воспоминания не так «достоверны», как документы. Сегодня историки признают ценность личных свидетельств, в особенности при их сопоставлении с документальными и материальными свидетельствами.

Безусловно, существует ряд методологических проблем — насколько можно полагаться на эти воспоминания и свидетельства. Их пишут постфактум. Память непрочна. На нее влияет то, что происходило потом. Воспоминание о событии может быть окрашено тем, как его запомнил другой человек, который тоже был его свидетелем. Человек может рассказывать подробности события, стремясь подчеркнуть какой-то конкретный момент, значение которого стало понятно много времени спустя. Это справедливо в отношении любого воспоминания или свидетельства. Мы записываем, чтобы высказать свою точку зрения. Но это особенно справедливо, когда воспоминание связано с травмирующим событием. А что может быть травматичнее Холокоста?

Кроме того, мемуары — это голоса тех, кто выжил, но не тех, кто погиб. Так что Дэвид Бодер, один из первых ученых, систематически фиксировавших свидетельства переживших Холокост, вполне обоснованно озаглавил свою работу «Я не брал интервью у мертвых»¹. Он знал, что записывал голоса тех, кто выжил. Голоса тех, кому выжить не удалось, в основном потеряны для нас навсегда.

Я пишу «в основном», поскольку некоторые свидетельства тех, кто погиб, у нас есть в виде дневников, как, например, дневник Рении Шпигель. Это другие дневники, и не только потому, что в них мы слышим голоса тех, кто не выжил. Дневники отличаются от воспоминаний в первую очередь тем, что не ставят перед нами методологические проблемы. Независимо от того, написаны они выжившими или погибшими, они в корне

---

¹ *David P. Boder. I Did Not Interview the Dead.* — Urbana: University of Illinois Press, 1949.

отличаются от воспоминаний — это не размышления, а фотографические свидетельства того времени. Проще говоря, автор воспоминаний знает, чем все закончилось. Автор дневника не знает — он пишет о сегодняшнем дне в сегодняшний день, а не какое-то время спустя. Вполне вероятно, что Рения, автор дневника, ничего не знает о «более широкой» картине того, что она переживает. К примеру, образование гетто в ее городе — это элемент более широкой политики «геттоизации» или что-то происходящее именно в том месте, где она находится? Если человек пишет после события, он может осознавать, каким образом конкретный указ вписывается в общую нацистскую политику, но у автора дневника, как правило, такого понимания нет. То, что автору дневника может казаться относительно малозначительным, на самом деле оказывается крайне важным. И наоборот, то, что кажется чрезвычайно травмирующим событием, может поблекнуть в сравнении с тем, что за ним последует.

Самое главное, дневники показывают нам то, чего нет в мемуарах, — непосредственные эмоции. А ведь именно эта непосредственность столь убедительна. Мне это напомнило об Элен Берр, молодой парижанке еврейского происхождения, которая вела дневник с 1942 года вплоть до того дня, когда ее с родителями задержали в марте 1944-го. По счастью, она начала писать совсем незадолго до выхода указа о том, что все евреи должны носить желтую звезду. Она делится с дневником о том, как мучилась вопросом — носить ее или нет. Носить — это означает подчинение ненавистному режиму или это демонстрация гордости своей принадлежностью к еврейскому народу? Мы читаем о ее реакции на замечания прохожих. Одни выражают солидарность, другие — сочувствие. Она размышляет о них не издали, с расстояния во много лет, а в тот день, когда с этим столкнулась. Она не рассматривает — и не может рассматривать — это событие как первый шаг в ряду будущих, более жестоких преследований.

Дневник Рении Шпигель напомнил мне, как он напомнит многим читателям, и о всемирно известном дневнике Анны Франк. Все три дневника — Шпигель, Франк и Берр — наполнены, казалось бы, будничными раздумьями девочек, охваченных первой любовью и полных надежд на будущее. Дневник

Рении Шпигель отражает знакомые проявления подростковых беспокойств и тревог — первая любовь, первый поцелуй, приступы ревности, которые, оглядываясь назад, можно счесть ничего не значащими, но тогда, по крайней мере Рении, они казались чрезвычайно важными. К тому же в дневнике много стихов, которые не могут не тронуть читателя.

Мы, читающие ее записи, обладаем тем, чего у нее не было: мы знаем конец. В начале дневника она сильно расстроена тем, что ей пришлось жить с бабушкой и дедушкой, и поэтому у нее «не было настоящего дома». Она этим так «расстроена, что приходится плакать». Отсутствие дома блекнет по сравнению с тем, что ее ожидает. Если бы она писала воспоминания, она бы знала об этом и, возможно, сгладила бы этот травмирующий момент. Она этого не делает. После падения Западной Европы в 1940 году она плачет: «Я здесь одна, без мамы и папы, без дома, меня дразнят, надо мной смеются. О Боже, зачем наступил этот ужасный день рождения? Не лучше ли умереть? Смотрю с высоты своих 16 лет и думаю — достигну ли я конца». Если бы она писала воспоминания, зная, что ее ждет впереди, она бы вполне могла забыть об этом моменте уныния. Она бы так сильно не расстраивалась из-за того, что у евреев отбирали меховую одежду. «Вчера пальто, шубы, воротники, нарукавники, шапки, ботинки отбирали на улице. И теперь новое положение, что под страхом смерти запрещается иметь дома хоть клочок меха».

Не знает она и о том, что, казалось бы, ужасный удел для некоторых жертв на деле мог бы оказаться спасительным. Она пишет, что стали «происходить ужасные вещи», что «устраивали облавы, людей сгоняли в одно место и отправляли куда-то в глубь России», в Биробиджан, где была образована еврейская автономия. «Их будут везти в закрытых темных вагонах, зараженных паразитами, по пятьдесят человек в каждом. Они будут ехать без воздуха, в грязи. Наверное, они голодные. Они будут ехать много долгих недель, с умирающими детьми». По иронии судьбы у этих людей, разумеется, было больше шансов выжить, чем у тех, кого впоследствии немцы втолкнут в другие вагоны и повезут навстречу еще более страшной судьбе.

И все же эта девочка — а она и была именно девочкой — со своими романтическими мечтами о будущем осознает, как в тиски зажимают ее и ее народ. «Гетто! Это слово звенит в ушах, ужасает, мучает. Мы не знаем, что с нами случится, куда мы пойдем и что нам позволят взять с собой». Тем не менее она продолжает надеяться на будущее. Эта напряженность между все более мрачной реальностью и надеждой на луч солнца просто разрывает читателю сердце.

За несколько дней до того, как ее схватили и убили немцы, Рения ощущает возможное приближение конца. Она пророчески записывает: «Мой дорогой Дневник, мой хороший, любимый друг! Мы вместе прошли через такие ужасные времена, и теперь для нас настал самый тяжелый миг. Сейчас я могла бы почувствовать страх. Но Тот, кто не оставил нас тогда, поможет нам и сегодня. Он нас спасет. О Израэль¹, спаси нас, помоги нам».

Рения Шпигель — девочка, полная жажды жизни, обладающая способностью описать красоту окружающего ее мира в прозе и стихах, девочка, у которой одна-единственная пуля отняла то, чего она так хотела, — будущее. Если бы не этот дневник, она ушла бы вместе с миллионами других в безжалостное забвение, как большинство жертв Холокоста. Те, кто спас дневник, и те, кто обеспечил его издание, спасли ее. Они не могли ее спасти от жестокой судьбы, не могли дать ей будущее, которого она так страстно желала, но они спасли ее от еще одной печали — забвения.

Дебора Э. Лунштадт,
профессор Института новейшей еврейской истории
и изучения Холокоста в Университете Эмори,
автор книги «Антисемитизм: здесь и сейчас»
(Antisemitism: Here and Now. —
New York: Schocken Books, 2019)

---

¹ Отсылка к одной из самых важных молитв в иудаизме — «Шма, Израэль» («Слушай, Израиль: Господь — Бог наш, Господь один»).

ПРОЛОГ

Моя сестра Рения Шпигель родилась 18 июня 1924 года в городке Ухрынковце (Uhrnykowce) Тарнопольского воеводства. До того как Вторая мировая война разорвала на части нашу семью, наш народ и нашу страну, этот маленький городок находился в юго-восточной Польше, а теперь это часть Украины

Я появилась на свет 18 ноября 1930 года, через шесть лет после Рении. Пятьдесят три года я прожила в счастливом браке с моим венским мужем австрийского происхождения Георгом Беллаком. Я счастливая мать двоих детей и бабушка троих замечательных мальчиков; тридцать лет я преподавала в школе в Нью-Йорке. Моя сестра прожила только восемнадцать лет. Ее убили нацисты в 1942 году. Несколько фотографий, несколько семейных реликвий, воспоминания, крутившиеся у меня в голове почти девяносто лет, и дневник, который вы собираетесь читать, — это все, что у меня от нее осталось.

Сказать по правде, я не была готова к встрече с этим дневником. Многие годы я пряталась от него и от своего прошлого, пока однажды моя дочь Александра Рената не извлекла дневник из сейфовой ячейки, где он лежал nepотревоженный больше сорока лет. Осознавая ценность этого исторического документа и то, какой отклик записи Рении могут вызвать у людей во всем мире, она организовала перевод дневника на английский. Моя дочь и по сей день неутомимо трудится над его публикацией по всему миру, добиваясь осознания значения этой истории и в наши дни. Я благодарна ей за то, что она вернула мне память о моей сестре.

Когда я должна была родиться, родители сделали из бу маги аиста, поставили его на окно и сказали сестре, что я скоро появлюсь. К тому времени наша семья переехала в усадьбу

близ городка Ставки (Stawki) на Днестре, это недалеко от румынской границы, и Рения обожала усадьбу совсем так же, как свой старый дом. Она любила слушать пение птиц. Она любила ветер. Она любила лес. Иногда я думаю, что именно воспоминания об этих местах — далеко за городом, в другое время — послужили вдохновением для стихов, которые она записывала в дневник. Ее стихи — спокойные, безмятежные мысли, рождавшиеся, когда вокруг шла война.

Мы уехали из нашего дома в Ставках не из-за войны. Я была ребенком-актером, меня называли «польской Ширли Темпл», и в 1938 году мы с мамой переехали в Варшаву ради моей карьеры. Она оставила Рению у своих родителей в ее родном Пшеммысле — небольшом городке на юго-востоке Польши. Сегодня это город вблизи границы с Украиной. В январе 1939 года Рения начала вести дневник. В то лето я приезжала на каникулы к Рении и бабушке с дедушкой, а мама вернулась в Варшаву.

Немецкая и советская армии вторглись в Польшу в сентябре 1939 года, и к концу месяца Польша была разделена на две оккупационные зоны: германскую к западу и советскую к востоку. Пшемысль, расположенный по двум берегам реки Сан, был поделен надвое. Бабушка с дедушкой жили в восточной части, оккупированной Советами. Мама была в Варшаве — в западной части Польши, оккупированной немцами. Пересекать реку Сан нам не разрешалось, так что мы внезапно оказались отрезанными от друг от друга. Тогда-то Рения и заменила мне мать. В последующие два года мы виделись с мамой всего несколько раз, и письма от нее приходили не часто. Рения ужасно тосковала по ней. До сих пор я думаю, не заменил ли дневник ей мать, которую она так любила и по которой так скучала.

До тех пор пока Зигмунт, любимый моей сестры, не передал этот дневник маме в начале 1950-х, я понятия не имела, что Рения его вела. Как она умудрялась прятать от меня семьсот страниц — загадка, но это был ее секрет, которым она поделилась только с Зигмунтом. Она отдала Зигмунту дневник незадолго до того, как была убита, а он, перед тем как его отправили в лагеря, передал тетрадь кому-то на хранение. Дневник сохранились, и друг Зигмунта, мы до сих пор не знаем, кто это был, привез его в Штаты. Мама умерла в 1969 году, и, когда я обнару-

жила дневник в ее вещах, я заперла его в сейфовой ячейке банка «Чейз» около моего дома. Читать его было для меня невыносимо. Слишком сильное эмоциональное напряжение.

До сих пор, когда я начинаю читать его, мне становится плохо и я плачу. Но я понимаю, насколько важны эти страницы, поэтому делюсь с вами. Мы живем в такое время, что не всегда встретишь толерантность, а она так нужна. Трудно разобраться и в том, что такое война, — особенно если ты находишься в ее гуще, — но Рения всегда была мудрой, и она разобралась. Мне кажется, что ее мысли, ее борения и ее смерть показывают нам, почему мы нуждаемся в мире и согласии. Пусть слова и стихи моей сестры говорят сами за себя.

В конце книги я поместила свои заметки, которые соотносятся с конкретными деталями и периодами, что остались в памяти из жизни с сестрой. Я рассуждаю об истории и о том, что мне помнится о последних годах жизни Рении, я расскажу о тех из нас, кто выжил, и как нам жилось после войны.

Воспоминания мои не такие четкие, как восемьдесят лет назад, но я старалась. Иногда мои мысли и мысли Рении могут показаться разбросанными и непоследовательными, но такова природа дневника. Это сиюминутность и импульсивность, а иногда таковы и мои собственные размышления.

Все что я говорю — унаследовано из жизни моей сестры, которую ей не пришлось прожить, а слова Рении — воспоминания подростка, навсегда захваченного западной войны.

*Элизабет Лещинска Беллак,
прежде Ариана Шпигель*

1939

31 ЯНВАРЯ 1939 г.

Почему я решила начать вести дневник сегодня? Случилось что-то важное? Я узнала, что дневники ведут мои друзья? Нет! Просто мне нужен друг. Мне нужен кто-то, с кем я могу говорить о своих каждодневных печалях и радостях. Кто-то, кто будет чувствовать то, что чувствую я, верить тому, что я говорю, и никогда не выдаст мои секреты. Ни один человек никогда не сможет стать таким другом, вот почему я решила найти доверенного друга в виде дневника.

Сегодня, дорогой мой Дневник, начало нашей большой дружбы. Кто знает, сколько она продлится? Может быть, она даже будет продолжаться до конца нашей жизни. В любом случае, я обещаю быть честной с тобой, я буду открытой и всегда рассказывать тебе все. В ответ ты будешь выслушивать мои мысли и мои заботы, но никогда не выдашь их никому, ты будешь хранить молчание, как волшебная книга, запертая волшебным ключом и спрятанная в волшебном замке. Ты не предашь меня, а если что, это сделают маленькие синие буквы, которые смогут разобрать люди.

Во-первых, позволь представиться. Я учусь в третьем классе женской средней школы имени Марии Конопницкой¹. Меня зовут Рения, по крайней мере, так меня называют друзья. У меня есть маленькая сестренка Арианка², которая хочет стать кинозвездой. (Отчасти она уже исполнила эту мечту, потому что снималась в фильмах.)

Наша мамочка живет в Варшаве. Раньше я жила в красивом барском доме на берегу реки Днестр. Мне там нрави-

---

¹ Женская средняя школа им. Марии Конопницкой в Пшемысле, ул. Гродзка, 4.

² Также Ариана, Ярошка, Ярка, Яра, Яруся, Ярося, Якуся — сестра Рении.

лось. Думаю, пока что это были самые счастливые дни моей жизни. Там были аисты на старых липах, в саду блестели яблоки, у меня был садик с аккуратными рядами очаровательных цветов. Но теперь это в прошлом, те дни никогда не вернуться. Нет больше барского дома, нет аистов на старых липах, нет яблок, нет цветов. Все это остается в воспоминаниях, сладких и приятных. А река Днестр — далекая, чужая и холодная — течет и бормочет что-то, но уже не для меня.

Теперь я живу в Пшемысле в доме бабушки. Но по правде сказать, у меня нет настоящего дома. Вот почему иногда мне так грустно, что приходится плакать. Я плачу, хотя я ни по чему не скучаю, ни по платьям, ни по сладостям, ни по моим странным и драгоценным мечтам. Я скучаю только по маме, по ее доброму сердцу. Я скучаю по дому, где мы жили все вместе, например, в белом барском доме на Днестре.

*Я не сдержусь — заплачу я опять
О прошлом: не вернуть, но не отнять
У памяти наш теплый старый дом
И аистов над радостным гнездом.
Я вспомню прошлое — и захочу назад —
Туда, где ночью затихает сад,
Где медленный туман и тишина,
Где ветра колыбельная слышна:
В ней звуки ночи, сумрак и простор —
Наш дом и пруд мне снятся до сих пор,
И сад, и горизонт полоса.
И липы засмотрелись в небеса.*

Но бывают у меня и радостные моменты, и их так много... Так много! Мне надо представить тебе мой класс, чтобы ты понимал все наши шуточки «для своих».

Со мной сидит моя лучшая подруга Норка¹. Может быть, кто-то и скажет, что Норка им не нравится, но кто-то от нее в восторге. Мне Норка нравится всегда, для меня она всегда милая Норка. У нас все мысли одинаковые, те же взгляды и мнения. В нашей школе девочки часто «втюриваются» в учителей, вот и мы с Норкой влюбились по-настоящему (некоторые

---

¹ Также Нора, Норушка, Норенька — подруга Рении.

девочки это делают, просто чтобы подлизаться к учителям) в учительницу латыни г-жу Валерию Брзозовску, урожденную Брюхля. Мы зовем ее «Брюхла». Брюхла замужем за красивым офицером, который живет во Львове. Она к нему ездит через воскресенье. Мы пытались узнать его адрес через адресное бюро, но ничего не получилось, потому что мы не знаем, как его на самом деле зовут. (Мы его называем «Здислав».) Брюхла преподает латынь, у нас этот предмет идет хорошо, и это, разумеется, говорит о том, что мы ее любим по-настоящему.

Следующая девочка в нашем ряду — Белка, или Белания, толстая и кряжистая как три тысячи чертей! У нее исключительный талант к наукам — и еще более выдающийся талант вызывать неприязнь. Она ужасно «втюрилась» в г-жу Скорску¹ и, когда смотрит на нее, строит глупые рожи.

Дальше идет Ирка (Ира — Гнев²). Я не люблю Ирку, это у меня в крови. Эта ненависть наследственная: моя мамочка очень не любила Иркину мать, когда они учились в средней школе. Я невзлюбила Ирку еще больше, когда она начала подкапываться под меня в школе, — все это, плюс ее нечестные оценки в табеле и отвратительное сюсюканье, вранье и неискренность, заставило меня по-настоящему ее возненавидеть. Ко всему этому надо добавить, что Брюхла бывает у Ирки дома, мы это расследовали. А Иркина мать ходит в гости к Брюхле. Мы это раскрыли, заглядывая в окна первого этажа в доме Брюхлы, где я провела много часов, а Нора поджидала ее. Все это означает, что я не выношу эту девчонку! Но раз мы учимся в одном классе, приходится как-то жить. Так что мы с Норой просто сжали кулаки и ждем удобного момента.

Что касается девочек, сидящих за Иркой, либо мне вовсе нет до них дела, либо они мне немножко нравятся. С другой стороны, меня немного больше интересуют девочки, которые сидят в самом конце класса, а именно Луна, она сидит за мной и постоянно бомбардирует мне спину. Она считает себя очень талантливым и неземным созданием. На вечерах и вообще всегда она прикидывается то такой, то сякой, старается

---

¹ Ольга Скорска.

² Один из семи смертных грехов.

привлечь внимание к своей красоте (которой у нее нет), к своим исключительным способностям (которые плод ее воображения) и к своей значимости (которой никогда не было). Луна всегда пытается привлечь внимание мальчиков, поэтому при своем маленьком росте она носит высокие каблуки, подрисовывает брови и пудрится. Сначала она одолжила пудру у Ирки Лозинской как бы «смеха ради». А теперь она это делает совсем не «ради смеха», а вполне серьезно.

Ирка Лозинска наверняка самая красивая девочка в нашем классе, а может быть, и во всей школе. Не мешают даже ее темная, почти оранжевая (не без пудры, конечно) кожа и высокомерный тон, или резкие слова из кораллово-красных губ, обнажающих красивые белоснежные зубы. Но у Ирки худший из всех недостатков — у нее туберкулез... Да, иногда у нее идет кровь из рта и из носа. Мне жаль Ирку. У нее есть друг, который ее любит, но он не знает, что его подруга так серьезно больна.

Ирка сидит в самом конце класса. Рядом с ней две твердокаменных фигуры: Галина (очень плохая) с замысловатой прической и Славка, которая всегда делает удивленное лицо, никогда не отвечает и прячет Галину под партой, когда та не хочет отвечать на вопрос учителя. Потом еще есть третья Ирка, худая как щепка и очень некрасивая. Рядом с ней сидит Эльза, моя бывшая соседка. Она изображает святую невинность, но я-то очень хорошо знаю, что это только игра. У нее приличные оценки, но табель всегда лучше, чем она заслуживает. Вероятно, она всегда списывает домашнее задание по латыни у третьей Ирки... но кого это волнует.

Потом еще есть староста нашего класса Кжишка. Кжишка не знает ничего, а говорит, как-будто у нее во рту вареники с песком, но она хорошенькая и всегда по уши влюблена во всех своих Збышеков, Славиков, Лежеков и т. д. Она дружит с Луной.

Перед ней, наклонившись, раскачивается первая Эда (всего их три). Эда — «дама с коготками», она помолвлена, у нее классная фигура и вообще. Вторая Эда — бывшая подруга Белки. Она тоже запала на г-жу Скорску, но не успевает по истории, что кажется мне подозрительным. Третья Эда была нашим врагом всего несколько месяцев назад. Только представь себе, мой дорогой Дневник, приезжает какая-то неизвестно кто, какая-то деревен-

щина, и хочет быть боссом, пытается нам показать, какие мы недоразвитые, и считает себя «абсолютным талантом». Серьезно?

Лушка и Джунка сидят перед Эдой. Джунка производит «нервно-тектонические» движения. Я была с ней в плохих отношениях больше года, но сумела справиться с этим в день именин Брюхлы. Джунка считается самой занудной в классе, и правда, так оно и есть. Лушка глупая, бестолковая и отсталая. Ей можно рассказывать что угодно. Но она и веселая, всегда на вечеринках со мной танцует «Андрусово». Как-то раз Лушка завопила на уроке математики: «Пани, пани, меня так давно не вызывали, а я так люблю математику!» Нора на это отреагировала так: «Лушка, ты что, не будь дурой». — «Вовсе нет», — ответила Лушка, но потом, когда поняла, что она сделала, стала заикаться и таращить глаза.

Перед ними, перед первой Эдой, Лушкой и Джункой, стоит странная парта для «антиквариата». Это означает Янку. Янка лучше всех в классе умеет «прикидываться дурочкой», при этом ее выручает только помощь со стороны. Когда ее вызывают к доске, все ответы у нее написаны на ногтях. Если, случаем, учительница замечает что-то подозрительное, Янка быстро слизывает чернила и изображает святую невинность. Янка умеет по заказу плакать, рыдать и даже падать в обморок, совсем как первая Эда, которой вдруг становится плохо, когда Пакула собирается вызвать ее прочитать стих. Янка вообще очень талантливая насчет устраивания сцен. Рядом с ней сидит Визия, крошка ростом меньше метра в свои пятнадцать лет. Третья в ряду Фрейка, или Салка. У нее то и дело бывают нервные приступы, иногда она слова не может сказать, если слишком расстроится, еще у нее смешная подпрыгивающая походка, и она часто «не выносит» сидение за партой.

Нужно еще сказать о Нинке, этой необычной девочке, которая выглядит совершенно невинной, но получает письма до востребования от разных «людей», устраивает встречи на темных улицах, посещает одиноких мужчин и очень этим гордится. Она довольно милая. В нашем классе есть еще девочки вроде нее; они меня или вообще не интересуют, или мне не хочется водить с ними компанию, потому что я хорошая девочка.

Мы уже несколько месяцев готовим вечер. Спорили и ссорились, но вот он будет в следующую субботу.

2 ФЕВРАЛЯ 1939 г.

Дорогой мой Дневник! С гимнастикой у меня всегда получалось посредственно, поэтому я тренируюсь дома, чтобы стать лучше. Только что у меня в первый раз получилось сальто. Никто из моих подруг этого не может. Я торжествую, хотя содрала коленку.

5 ФЕВРАЛЯ 1939 г.

Дорогой мой Дневник, вечер был наконец-то! Я так счастлива. Вечер был потрясающий, все, особенно Брюхла, отлично провели время. Но после вечера на меня нашла какая-то тоска. И опять, в какой уже раз я подумала: «Как хочется, чтобы мама здесь была». Дело в том, что Иркина мама, г-жа Оберхард, все время крутилась около Брюхлы, подлизывалась к ней изо всех сил, что, конечно, в ближайшее время принесет пользу Ирке и ее младшей сестре. О, дорогой Дневник, если бы ты только знал, как тяжело так сильно хотеть чего-то, так стараться ради этого, а потом на финишной прямой получить отказ. А чего я на самом деле хотела? Не знаю. Меня очень хвалила Пакула, что меня никак не волнует (она говорила с нами, со мной и Норкой). Брюхла была вполне мила. А мне все же чего-то не хватило.

Луна выступила два раза, и я тоже. Сегодня я видела Брюхлу с г-жой Оберхард — скорее всего, возвращались от нее. Я вежливо поклонилась, прошла мимо них и сказала Норе: «Ты как думаешь? Она опять у нее была, да?» И тут я вижу — она корчит глупую рожу. Оглядываюсь и вижу, что Брюхла идет прямо за нами. Она выглядит ужасно, не знаю, что с ней, я бы хотела что-то для нее сделать, помочь, может быть, что-то посоветовать, но нас разделяет огромная пропасть, очень-очень огромная... Может быть, даже больше, чем с мамой. Она бы тоже могла мне помочь, дать совет. Но преодолеть эту пропасть труднее. О, намного труднее.

8 ФЕВРАЛЯ 1939 г.

Дорогой Дневник! Прошло несколько дней с тех пор, как я рассказала тебе о своих делах, а вообще-то ничего особенного и не было. Жизнь течет как обычно, с некоторыми небольшими исключениями. Брюхла была на конференции